

© 2014 г. В.С. ХРАКОВСКИЙ

ЕСТЬ ЛИ У НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПОВТОРИТЕЛЬНОЕ (НЕОГРАНИЧЕННО-КРАТНОЕ / МНОГОКРАТНОЕ / ИТЕРАТИВНОЕ / УЗУАЛЬНОЕ / ХАБИТУАЛЬНОЕ) ЗНАЧЕНИЕ?

В статье предлагается считать, что у граммемы несовершенного вида в русском языке наряду с актуально-длительным значением есть неактуально-длительное значение. Именно это значение присуще граммеме несовершенного вида в тех контекстах, где ей приписывается какое-либо из повторительных значений. Что касается самих повторительных значений, то они выражаются в контексте или даже в предтексте.

Ключевые слова: глагол, форма, несовершенный вид, ситуация, инвариантное значение, частное значение

The paper suggests that, apart from actual-durative meanings, imperfective grammemes in Russian can also express non-actual durative meanings that are inherent in imperfective aspect grammemes in repetition contexts. As for repetition meanings themselves, they are expressed in the context or even in the pretext.

Keywords: verb, form, imperfective aspect, situation, invariant meaning, private meaning

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ¹

Судя по заглавию предлагаемой публикации, ее можно считать своего рода провокацией или даже авантюрой. Разумно ли сомневаться в том, что представляет собой очевидную истину? Ведь практически все аспектологи согласны с тем, что повторительное значение у НСВ есть. В такой ситуации уместно вспомнить известный парадокс Фауста, восходящий к Тертуллиану (II–III н.э.), который гласит: «Это невозможно и именно поэтому достоверно». Но обо всем по порядку.

ОБ ИНВАРИАНТНОМ ЗНАЧЕНИИ НСВ

Среди дискуссионных проблем общей и, в частности, русской грамматики важное место занимает проблема формулирования инвариантного значения, а также проблема количества и критериев выделения частных значений граммем грамматических категорий. Хорошим примером может служить продолжающаяся много лет дискуссия по вопросу об инвариантном значении НСВ и СВ, а также о количестве частных значений обоих видов и критериях их выделения [Храковский 2001; Цейтлин 2009].

Сразу же подчеркнем, что в статье не рассматривается привлекательная трактовка вида как словоклассифицирующей категории, в рамках которой «объединение двух глаголов разного вида в пару не означает в данном случае автоматического признания их

¹ Я признателен А. Барентсену, С.Ю. Дмитренко, Н.Н. Казанскому, А.Л. Мальчукову и А.К. Оглоблину, прочитавшим первый вариант этой статьи и сделавшим ряд замечаний. Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 11-06-00142-а.

формами одной лексемы, а свидетельствует скорее о существовании особенно тесных контекстных связей между ними, т. е. об их семантико-прагматической, а не грамматической близости» [Плунгян 2011: 409].

Упрощая заметным образом реальное положение вещей, но, надеюсь, несколько его не искажая, рассмотрим некоторые из существующих подходов к трактовке инвариантных значений СВ и НСВ². В соответствии с традиционной точкой зрения, восходящей к Р.О. Якобсону и Ю.С. Маслову и в дальнейшем получившей развитие в Петербургской аспектологической школе, в трудах А.В. Бондарко и ряда других исследователей, категория вида является грамматической, а «форма СВ является семантически маркированным членом оппозиции по отношению к несовершенному виду (НСВ) как форме немаркированной» [Бондарко 1995: 30].

Иными словами, у НСВ «нет того подчеркнутого значения неделимой целостности действия, которая ярко бросается в глаза в формах совершенного вида³. И такое чисто отрицательное определение будет здесь вполне уместно, так как в категории совершенного – несовершенного вида... именно совершенность составляет <...> ведущий положительный член противопоставления, а несовершенство является отрицательным, или “нулевым”, членом, так сказать, лишь фоном для совершенности» [Маслов 1959: 308–309; Рассудова 1968]. Разумеется, немаркированность НСВ не следует понимать так, что НСВ ничего не выражает. Этот термин свидетельствует лишь о том, что значения НСВ нельзя свести к одному инварианту, противопоставленному инварианту СВ⁴.

В частности, по мнению одних исследователей, это проявляется в том, что, «типы употребления формы НСВ варьируются в широкой сфере, охватывающей, с одной стороны, семантику, противоположную категориальному значению СВ, а с другой – такую семантику, в которой не получают эксплицитного выражения ни признаки, противоположные значению СВ (нецелостность и неограниченность действия пределом), ни признаки, выражаемые формой СВ» [Бондарко 1998: 69]. Этой же концепции придерживается и М.А. Шелякин, говоря о том, что НСВ «выражает значение, противопоставленное в системе языка общему значению совершенного вида, т.е. отрицая значение совершенного вида, выражает значение нецелостности действия и тем самым и события. Под значением нецелостности действия (события) мы понимаем представление данного действия (события) в незаконченном осуществлении (в “середине” осуществления)» [Шелякин 2007: 71]. Вместе с тем «форма несовершенного вида употребляется еще в одной функции – обозначения действия без указанной его видовой характеристики: *Я читал эту книгу, смотрел этот фильм, говорил ему об этом* и т.п. <...> **Эту функцию можно назвать аспектуально-редуцированной (или аспектуально-нейтрализованной) формой несовершенного вида**» [Шелякин 2007: 73].

Другие исследователи, не входящие в Петербургскую аспектологическую школу, связывают немаркированность НСВ прежде всего с тем, что глагол НСВ при употреблении в несинхронных ретроспективном и проспективном значениях понимается «как обозначающий “действие в его целостности” – так, как понимается глагол совершенного вида» [Падучева 2010: 17], ср. [Падучева 1996]. Имеются в виду примеры типа:

(1) *Профессор уже выступал с этим докладом в Москве и будет читать его в Париже.*

Вместе с тем существует мнение, что у НСВ есть свое собственное инвариантное значение, противопоставленное инвариантному значению СВ. В рамках такого подхода инвариантное значение СВ понимается как ‘комплетивность’ (при взгляде на ситуацию

² В работе [Перцов 2011: 142–143] представлена сводка значений, предложенных к началу XXI в. в качестве инварианта СВ и НСВ.

³ Академик В.В. Виноградов, а вслед за ним и другие исследователи, полагали, что СВ обозначает «предел действия, достижение цели» [Виноградов 1947: 497].

⁴ Ср.: «Что же касается НСВ, то здесь говорить о едином общем компоненте для всех его частных значений было бы натяжкой» [Шатуновский 2009: 23].

извне), а инвариантное значение НСВ – как ‘инкомплетивность’ (при взгляде на ситуацию изнутри) [Тимберлейк 1985; Князев 2007].

Если в своей только что процитированной работе 2010 г. Е.В. Падучева не находит у НСВ инвариантного значения, то в работах [Падучева 1996; 2012] она предлагает две принципиально отличающиеся друг от друга классификации инвариантных и частных значений грамлеммы НСВ. В рамках своей первой классификации Е.В. Падучева определяет семантический инвариант НСВ следующим образом: «Форма НСВ описывает ситуацию в ее развитии во времени, т.е. как проходящую через ряд последовательных временных фаз» [Падучева 1996: 24] и в то же время предлагает следующее толкование инвариантного значения: «В момент наблюдения имеет место одна из серии последовательных фаз ситуации, обозначаемой глаголом» [Там же: 86]. Предлагая это толкование, она вместе с тем считает, что, «основное значение НСВ присутствует в качестве инвариантного компонента во всех других “частных” значениях» [Там же: 10].

А в своей недавно опубликованной второй классификации Е.В. Падучева высказывает следующее суждение относительно инвариантных значений НСВ и СВ: «По поводу инварианта имперфектива, равно как и перфектива, можно считать достигнутым относительно согласие: перфектив означает ИЗМЕНЕНИЕ, а имперфектив выражает НЕИЗМЕННОСТЬ, см. [Гловинская 1982; Wierzbicka 2002; Падучева 2004] (в сфере линейной аспектуальности), а также имеет ИТЕРАТИВНОЕ значение (в сфере количественной аспектуальности, см. [Плунгян 2000])» [Падучева 2012: 34], см. также [Падучева 1996; Шатуновский 2009]⁵.

Прежде чем двигаться дальше, необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. Формулирование инвариантных значений СВ и НСВ в терминах типа ‘целостность’/‘нецелостность’, ‘комплетивность’/‘инкомплетивность’ – это обращение к признакам, которые по логике вещей должны быть присущи всем глаголам СВ и НСВ во всех их употреблении. Однако реально этого не происходит, поскольку существуют глаголы, которым эти признаки не присущи. Скажем, значение таких глаголов СВ начинательного способа действия как *закричать*, *поползти* вряд ли можно охарактеризовать с помощью термина ‘целостность’, ср. [Гловинская 1998].

Можно думать, что более успешным окажется обращение к толкованию обеих видовых форм глагола [Wierzbicka 1967; Гловинская 1982]. Термины Е.В. Падучевой ИЗМЕНЕНИЕ (начать быть другим) и НЕИЗМЕННОСТЬ (не начинать быть другим) как раз и претендуют на роль тех семантических элементов толкования обеих видовых форм, которые могут считаться инвариантами СВ и НСВ.

НАША ТРАКТОВКА

Мы в основном согласны с характеристикой инвариантного значения НСВ (имперфектива) в сфере линейной аспектуальности. Однако, по нашему мнению, здесь представлено специфическое употребление термина «инвариантное значение». Речь идет не об общем значении НСВ (а именно так принято понимать термин «инвариантное значение»), а о значении, противопоставленном инвариантному значению СВ. Ведь у НСВ есть еще и итеративное значение, статус которого не вполне ясен. С одной стороны, это значение вроде бы не является инвариантным, а с другой стороны, рассматривается наравне с ним. Можно думать, что Е.В. Падучева рассматривает форму НСВ как имперфективный кластер, в котором по логике вещей совмещаются близкие аспектуальные значения НЕИЗМЕННОСТЬ и ИТЕРАТИВНОСТЬ, ср. [Плунгян 2011].

Оставляя пока в стороне вопрос о трактовке итеративного значения (к нему мы вернемся позже), заметим, что мы предпочитаем обозначать термином НЕИЗМЕННОСТЬ не инвариантное значение НСВ, которого, возможно, у НСВ нет, а его основное значе-

⁵ Возможно, впервые мысль о том, что имперфектив, т.е. НСВ, выражает неизменность, высказана в работе [Galton 1964], см. также [Galton 1967], однако там и итеративное значение включается в неизменность.

ние. Употребляя термин НЕИЗМЕННОСТЬ, мы имеем в виду неизменность ситуации, обозначаемой глаголом НСВ. Иными словами речь идет о том, что ситуация остается сама себе тождественной в течение некоторого временного интервала. Это значение, как мы полагаем, реализуется прежде всего в виде двух ведущих частных значений. Это актуально-длительное значение, признаваемое, очевидно, всеми аспектологами, и неактуально-длительное значение, о котором речь пойдет позже.

Актуально-длительное значение может быть охарактеризовано следующим образом: имеет место (наблюдаемая) ситуация Р, обозначаемая лексемой глагола НСВ; фаза начала ситуации Р остается за кадром. Более формально это утверждение можно выразить следующим образом: '(в момент t ситуация Р начала иметь место); в момент наблюдения t_1 , происходящий в интервале, следующем после момента t , ситуация Р остается сама себе тождественной, (хотя она и может в какой-то степени меняться)', ср. [Гловинская 1982: 127; Петрухина 2000: 61].

Итак, актуально-длительное (или процессное) значение НСВ – это фактически синхронное, конкретно-референтное значение, которое противопоставлено ретроспективному конкретно-фактическому значению СВ. Оппозиция этих значений является базовой оппозицией глаголов НСВ и СВ во всех славянских языках. Назначение этой оппозиции состоит в том, чтобы отразить смысловую специфику глаголов, входящих в акциональные классы действий и процессов (длительность и предельность обозначаемой ситуации), которые являются самыми представительными глагольными классами.

Актуально-длительное значение ('имеет место Р') прототипически присуще НСВ глаголов действий и процессов настоящего времени в минимальном исходном контексте, включающем обязательные актанты в форме единственного числа, при условии, что высказывание является утвердительным⁶.

Это значение представлено в примерах:

- (2) *Рабочий строит дачу;*
- (3) *Больной выздоравливает.*

Подобные конструкции мы считаем исходными, от которых с помощью разных деривационных операций могут образовываться различные производные конструкции.

Таковыми деривационными операциями являются, в частности, замена временной формы глагола, замена у имен в позиции обязательных актантов ед. числа мн. числом, введение отрицания, изменение коммуникативной структуры предложения, введение в предложение различных сирконстантов. Также деривационной операцией мы считаем и замену глаголов действий и процессов глаголами других акциональных классов⁷. Достаточно очевидно, что каждая такая деривационная операция может осуществляться и независимо от других, и совместно с другими.

Одни деривационные операции не меняют аспектуального статуса исходной конструкции. Иными словами, граммема НСВ (и конструкция в целом) сохраняет актуально-длительное значение. В то же время в ходе других деривационных операций граммема НСВ (и конструкция в целом) может заменить актуально-длительное значение каким-либо другим аспектуальным значением⁸.

⁶ Тесная (прототипическая) связь НСВ и настоящего времени объясняется тем, что «одно-временность с моментом речи, выражаемая наст. вр., соответствует синхронной позиции наблюдателя, характеризующей актуально-длительное, неограниченно-кратное и другие близкие к ним значения НСВ» [Князев 2007: 384].

⁷ Ср.: «Если аспект является грамматической категорией, то мы вправе ожидать, что аспектуальные грамлемы будут присоединяться не только к классу предельных процессов, но и ко всем остальным акциональным типам ситуаций» [Плунгян 2011: 395].

⁸ Достаточно очевидно, что перечисленные деривационные операции не имеют отношения к процессам порождения речи, а всего лишь отражают наши представления о соотношении конструкций в модели деривационного синтаксиса, отражающей аспектуальную характеристику конструкций с финитным глаголом НСВ.

В то время как вопрос об общем количестве частных значений НСВ и о критериях их выделения продолжает оставаться дискуссионным, очевидно, многие, если не все, аспектологи согласны с тем, что у грамлемы НСВ, наряду с частным актуально-длительным (иначе конкретно-процессным) значением, есть группа частных значений, традиционно относящихся к сфере количественной аспектуальности (см. [Храковский 1989]), которые, оставаясь в рамках традиции, можно рассматривать как варианты одного повторительного значения.

Мы имеем в виду такие значения, как неограниченно-кратное, многократное, итеративное, хабитуальное, узуальное, не исключая того, что некоторые из перечисленных терминов могут у разных авторов использоваться для обозначения одного и того же частного значения. Указанные значения в той или иной комбинации присутствуют практически в любой классификации частных значений НСВ и занимают высокое место в иерархии этих значений.

Именно неограниченно-кратное значение наряду с актуально-длительным (конкретно-процессным) А.В. Бондарко [Бондарко 1971: 31–32] относит к самым важным частным значениям НСВ. По его словам, «В иерархии частных значений НСВ наиболее высокое положение занимают конкретно-процессное и неограниченно-кратное значения. Эти значения реализуются в наиболее широких, обычных, регулярно повторяющихся условиях контекста. Указанные значения в наименьшей мере ограничены лексически (конкретно-процессное значение связано лишь с частичными ограничениями, а неограниченно-кратное может быть выражено любым глаголом). Рассматриваемые значения обнаруживаются во всех формах глагола, выступающих в НСВ. Эти проявления наибольшей самостоятельности конкретно-процессного и неограниченно-кратного значений объясняются наименьшей ограниченностью условий их реализации и позволяют считать их основными частными значениями НСВ».

Позднее А.В. Бондарко несколько меняет свою точку зрения [Бондарко 2002: 385]. Теперь, по его словам, «Основным среди частных значений НСВ следует признать конкретно-процессное». При этом он отмечает, что «одну из верхних ступеней в рассматриваемой иерархии занимает неограниченно-кратное значение (речь может идти о втором месте в комплексе двух основных значений)». Напомним, что Е.В. Падучева, используя в качестве обобщающего для всех вариантов повторительного значения термин ИТЕРАТИВ, рассматривает это значение наравне со значением НЕИЗМЕННОСТЬ, которое трактуется как инвариантное значение НСВ в сфере линейной аспектуальности [Падучева 2012: 34].

Но если это так, то эти значения, будучи значениями одной грамлемы, в соответствии с современными представлениями являются элементами одной семантической сети и, соответственно, должны быть семантически связаны друг с другом. Как ни странно, в известной мне аспектологической литературе вопрос о семантической связи этих двух значений, если я не ошибаюсь, в принципе не ставился, хотя в типологической литературе актуально-длительное значение (иначе прогрессив) относится к так называемой линейной аспектуальности (иначе к первичному аспекту), тогда как повторительное значение относится к так называемой количественной аспектуальности и даже переносится из сферы аспектуальности в самостоятельную сферу глагольной множественности [Плунгян 2011]. Но если дело обстоит таким образом, то эти значения семантически не связаны друг с другом и, соответственно, не должны быть частными значениями одной грамлемы. Ниже мы попробуем найти адекватное решение этой парадоксальной ситуации.

ПРЕДЛАГАЕМАЯ РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОВТОРИТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ГРАМЛЕМЫ НСВ

Тезис, который мы хотим защитить в предлагаемой публикации, заключается в следующем. У грамлемы НСВ нет повторительного значения, ср. [Храковский 2011]. Из сказанного не следует, что это значение (в любых вариантах) не выражается в высказываниях с глагольной формой НСВ. Оно выражается, но выражается не грамлемой

НСВ, а средствами контекста. Используя другую терминологию, можно говорить о том, что повторительное значение «наводится» средствами контекста. Что касается значения граммы НСВ, то в тех случаях, когда в высказываниях с формой НСВ выражается повторительное значение, она имеет либо стандартное актуально-длительное значение, либо не выделявшееся до сих пор значение, которое мы предлагаем называть неактуально-длительным⁹.

Это значение в одном из вариантов может быть охарактеризовано таким образом: имеют место следующие друг за другом через некоторые временные интервалы одни и те же ситуации Р, обозначаемые лексемой глагола НСВ; фаза начала цепочки ситуаций Р остается в прошлом до момента речи; ни одна ситуация из этой цепочки не наблюдается в момент речи; ситуации Р будут следовать друг за другом и после момента речи. Ситуации, входящие в эту цепочку, могут рассматриваться как фрагменты длительной ситуации Р₁ более высокого уровня.

Мы исходим из того, что в принципе следует различать повторяющиеся ситуации, которые происходят в один период времени и которые фиксируются наблюдателем, и повторяющиеся ситуации, каждая из которых соотносится со своим отдельным периодом времени, причем ни в один из этих периодов времени не входит момент речи и, соответственно, эти ситуации не являются наблюдаемыми. Повторяющиеся ситуации первого типа в основном относятся к так называемому мультипликативному типу множества ситуаций, или лучше к мультипликативной последовательности ситуаций, которая толкуется следующим образом:

Mult [P (X, Y, ..., Z)] – имеет место неоднократное последовательное осуществление ситуации Р; повторение происходит в один период времени Т (который может включать момент речи или любую другую точку отсчета).

Мультипликативное множество ситуаций или мультипликативную последовательность ситуаций прежде всего выражают неопределенные глаголы НСВ (типа *качать*, *мигать*, *толкать*, *скрипеть*), которые, соответственно, принято называть мультипликативными. Повторяющееся множество ситуаций в данном случае выражается лексемой глагола (а не значением граммы НСВ), ср. [Храковский 1989: 25]:

- (4) *Черноглазая Анюта... шаркала петушиной метелочкой по креслам* [М. Булгаков. Белая гвардия (1923–1924)] (здесь и далее примеры из [НКРЯ]).

Мультипликативное множество ситуаций или мультипликативную последовательность ситуаций выражают также глаголы НСВ (типа *оглядываться*, *бросать*, *переворачивать*). Соотносительные глаголы СВ обозначают объективно краткие, моментальные действия, в силу чего такие глаголы принято называть моментативами (или глаголами происшествий по З. Вендлеру).

- (5) *Рубин, чуя беду, нервно зевал, оглядывался на соседей, ища поддержки* [В. Гроссман. Жизнь и судьба (1960)].

Фактически мультипликативное множество ситуаций или мультипликативную последовательность ситуаций выражают и глаголы НСВ (типа *перемигиваться*, *переговариваться*), которые обозначают одни и те же взаимные действия двух и более агентов, происходящие в один период времени:

- (6) *Весь обед мы молчали и переглядывались с ней, не зная, когда можно будет закурить* [С. Спивакова. Не все (2002)].

⁹ На первый взгляд наш подход в принципе не отличается от традиционного, в соответствии с которым «повторяемость действия при употреблении глаголов несов. вида обычно обозначается средствами контекста» [Русская грамматика 1980, I: 608]. Однако в рамках традиционного подхода значение повторяемости приписывается и грамме НСВ, что, с нашей точки зрения, является ошибочным.

Впрочем, повторяющиеся ситуации, которые происходят в один период времени, могут относиться и к дистрибутивному множеству ситуаций или дистрибутивной последовательности ситуаций, которая толкуется следующим образом [Храковский 1989: 34]:

$\text{Distr} [P (X, Y, \dots, Z)] =$ 'имеет место неоднократное осуществление ситуаций $P_1, P_2, \dots, P_n$, отличающихся от ситуации $[P (X, Y, \dots, Z)]$ тем, что каким-либо одним и тем же актантом / сирконстантом каждой P_i ситуации является один из единичных представителей $x_1, x_2, \dots, x_n / y_1, y_2, \dots, y_n / z_1, z_2, \dots, z_n$ совокупного актанта / сирконстанта $X / Y / \dots / Z$; повторение происходит в один период времени T , (который может включать момент речи или любую другую точку отсчета)'.

(7) *Он старается идти прямо, но ноги его плохо слушаются, и он то и дело опирается то на одну сестру, то на другую* [zhurnal.lib.ru].

В данном примере речь идет о ситуации, которая неоднократно повторяется на глазах у наблюдателя, что маркируется обстоятельством *то и дело*, а дистрибутивное прочтение обеспечивается актантом *то на одну сестру, то на другую*.

Во всех подобных примерах, с нашей точки зрения, граммема НСВ имеет актуально-длительное значение, ср. [Шагуновский 2009]. В этой трактовке мы опираемся на суждение, в соответствии с которым «продолжительность действия во времени проявляется в двух формах: в длительности в узком понимании как непрерывной тождественности и длительности в широком понимании как повторяющейся (прерывной) тождественности действия» [Шелякин 1983: 55].

Иными словами, одинаковые ситуации, следующие друг за другом через некоторые (небольшие) временные интервалы во время одного раунда наблюдения, можно воспринимать как одну длящуюся ситуацию, состоящую из одинаковых фрагментов. Таким образом, повторяемость ситуаций, осуществляемая во время одного периода времени и выражаемая лексическими и/или контекстными средствами, композиционально взаимодействует с граммемой НСВ в актуально-длительном значении (длительность в широком понимании), и, соответственно, самостоятельного повторительного значения у граммеы НСВ нет.

В принципе количественную аспектуальность мультипликативного типа можно рассматривать как частный случай линейной аспектуальности, поскольку фрагменты мультипликативной ситуации следуют друг за другом во время одного раунда наблюдения и представляют в совокупности, по словам В.А. Плунгяна [Плунгян 2011: 400], «длительный процесс».

Повторяющиеся, т.е. следующие друг за другом ситуации, каждая из которых соотносится со своим отдельным периодом времени, причем ни в один из этих периодов времени не входит момент речи (и, соответственно, они не являются наблюдаемыми), относятся к итеративному типу множества ситуаций или итеративной последовательности ситуаций, которая толкуется следующим образом:

$\text{Iter} [P (X, Y, \dots, Z)] =$ 'имеет место неоднократное последовательное осуществление ситуации $P (X, Y, \dots, Z)$; каждая повторяющаяся ситуация происходит в отдельный период времени T , не включающий момент речи или любую другую точку отсчета', ср. [Храковский 1989: 41].

В данном случае говорящий, который не наблюдает ни одной из следующих друг за другом ситуаций, точно знает, что цепочка ситуаций началась до момента речи и будет продолжаться после момента речи. Иными словами, говорящий как бы находится внутри этой цепочки.

Что касается повторительного значения, то оно и теперь не выражается граммемой НСВ, а наводится соответствующим контекстом. В частности, повторительное значение может выражаться при изменении исходного контекста, в котором выражается актуально-длительное значение НСВ, например, при замене у имени в позиции второго актанта ед. числа мн. числом, см. (2) $\rightarrow$ (8):

(8) *Рабочий строит дачи.*

Стандартным маркером повторительного значения служат итеративные обстоятельства. К итеративным обстоятельствам, в частности, относятся обстоятельства цикличности (типа *каждый день, ежегодно, по праздникам*), обстоятельства интервала (типа *редко, часто, регулярно*), обстоятельства узитативности (типа *обычно, обыкновенно*):

- (9) *Мы вечерами, выпив красного вина, читали друг другу стихи* [С. Спивакова. Не все (2002)];
- (10) *Монако надежно защищено от циклонов горами, и солнце редко берет выходные* [А. Карабаш. Три дня в Монако // Домовой];
- (11) *Таня своих домашних навещала нечасто. Приходила она обыкновенно под вечер* [Л. Улицкая. Казус Кукоцкого (2002)].

Также маркером повторительного значения могут служить выражения, включающие в свой состав слово *раз* (типа *сколько раз, всякий раз как, каждый раз как*):

- (12) *Вспомним, сколько раз за последние годы спецслужбы лгали президенту* [А. Гольц. Кремлевский звездопад // Еженедельный журнал];
- (13) *Лиза уходила в свою комнату всякий раз, как Иван Петрович удостоивал их своим посещением* [А. Пушкин. Барышня-крестьянка (1830)];
- (14) *Каждый раз, как я слышал этот мотив на улице или в кафе, мне становилось не по себе* [Г. Газданов. Вечер у Клэр (1930)].

Важно обратить внимание на то, что повторительное значение высказывания может быть выражено не в самом высказывании, а наводиться аспектуальной характеристикой предшествующего высказывания:

- (15) *Что вы делаете по вечерам? Играем в преферанс.*

Повторительное значение второго предложения детерминируется эксплицитно выраженным повторительным значением в первом вопросительном предложении.

Заметим, что итерироваться может и мультипликативное множество ситуаций:

- (16) *Я ее обнимаю, с ней делюсь, она иногда мне шепчет что-то тайное, иногда кричит на меня, простужается, даже кашляет при плохой погоде* [И. Любарская. Ода Славе // Общая газета (1997)].

Специфичен случай, когда в состав глагола НСВ входит суффикс *-ива-/-ва-а* как самостоятельно, так и в комбинации с префиксами *пере-, за-, про-*, а также в ряде случаев с постфиксом *-ся*:

- (17) *Да, я не бедствовал, не голодал, не ходил в обносках, не мечтал годами о собственном автомобиле, а в ресторанах сжигал с пугающей родных и близких регулярностью* [И. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999)];
- (18) *Вечерами она любила стоять у забора докторского дома, и я потихоньку не раз заглядывался на ее смуглое, резко очерченное лицо с высоко вздернутыми бровями* [В. Беляев. Старая крепость (1937–1940)].

И в этом, достаточно периферийном случае повторительное значение выражается в контексте, однако у глаголов НСВ в принципе нет актуально-длительного значения, а только неактуально-длительное, которое традиционно трактуется как повторительное.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Не претендуя на исчерпывающее описание всех контекстных способов выражения повторительного значения¹⁰, зададимся вопросом: каково частное значение граммемы НСВ во всех высказываниях с формой глагола НСВ, в которых выражается повторительное значение итеративного типа? В этой связи еще раз обратим внимание на то, что все повторяющиеся, т.е. следующие друг за другом, ситуации происходят в разные периоды времени, и при этом говорящий в момент речи не наблюдает ни одной из повторяющихся ситуаций. Все такие ситуации образуют актуально не наблюдаемую длительную прерывную цепочку, своего рода длительную ситуацию более высокого уровня (длительность в широком смысле), у которой не фиксируется ни начало, ни конец.

Соответственно, количественную аспектуальность итеративного типа также как количественную аспектуальность мультипликативного типа можно рассматривать как частный случай линейной аспектуальности. В данном случае контекстно выраженное повторительное значение композиционно взаимодействует с граммемой НСВ, которой присуще неактуально-длительное значение¹¹. Это значение хорошо коррелирует с актуально-длительным значением. Оба эти значения являются вариантами основного значения граммемы НСВ, которое характеризуется как НЕИЗМЕННОСТЬ.

Высказанные здесь соображения возникли не на пустом месте. В свое время еще Ю.С. Маслов писал, что «...неограниченно-кратное значение без труда можно истолковать как значение "процесса" (процесса неограниченного повторения данного действия)» [Маслов 1959: 308]. Далее, как мы уже отмечали, М.А. Шелякин предложил различать непрерывную и прерывную длительность действия. Наконец, Ю.П. Князев обратил внимание на то, что повторяющаяся ситуация «в целом... продолжает рассматриваться интраатерминально, в срединной фазе своего многократного осуществления» [Knjazev 2013: 89–90]. Именно эти идеи и привели нас к мысли, что у граммемы НСВ нет реализующегося в разных вариантах повторительного значения и что во всех случаях, когда в высказываниях с формой НСВ реализуется тот или другой вариант повторительного значения, граммема НСВ присуще либо актуально-длительное значение (следующие друг за другом ситуации реализуются в один период времени), либо неактуально-длительное значение (следующие друг за другом ситуации реализуются в разные периоды времени).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондарко 1971 – А.В. Бондарко. Вид и время русского глагола. М., 1971.
Бондарко 1995 – А.В. Бондарко. О возможных подходах к изучению видовой семантики // Семантика и структура славянского вида. Т. I. Kraków, 1995.
Бондарко 1998 – А.В. Бондарко. Проблемы инвариантности/вариантности и маркированности/немаркированности в сфере аспектологии // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
Бондарко 2002 – А.В. Бондарко. Теория значения в системе функциональной грамматики. М., 2002.
Виноградов 1947 – В.В. Виноградов. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947.

¹⁰ Ср. [Князев 2007; Knjazev 2013].

¹¹ В данном случае представлен модифицированный вариант неактуально-длительного значения. Основной вариант формулируется следующим образом: имеет место ненаблюдаемая ситуация Р, которая началась до момента речи и будет продолжаться после момента речи. Это значение НСВ, в частности, реализуется в примерах типа:

(19) *Во время разговора с Марковым о ядерных фотографиях у Штрума возникло чувство, словно уже не он, а Марков заведует лабораторией* [В. Гроссман. Жизнь и судьба (1960)].

- Гловинская 1982 – М.Я. Гловинская. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 1982.
- Гловинская 1998 – М.Я. Гловинская. Инвариант совершенного вида в русском языке // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Князев 2007 – Ю.П. Князев. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.
- Маслов 1959 – Ю.С. Маслов. Глагольный вид в современном болгарском языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка // URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Падучева 1996 – Е.В. Падучева. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М., 1996.
- Падучева 2004 – Е.В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Падучева 2010 – Е.В. Падучева. Зеркальная симметрия прошедшего и будущего: фигура наблюдателя // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2010. Т. 69. № 3.
- Падучева 2012 – Е.В. Падучева. Русский имперфектив: инвариант и контекстные значения // II Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире». Труды и материалы. М., 2012.
- Петрухина 2000 – Е.В. Петрухина. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2000.
- Перцов 2011 – Н.В. Перцов. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.
- Плунгян 2000 – В.А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
- Плунгян 2011 – В.А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Рассудова 1968 – О.П. Рассудова. Употребление видов глагола в русском языке. М., 1968.
- Русская грамматика 1980 – Русская грамматика. Т. I. 1980.
- Тимберлейк 1985 – А. Тимберлейк. Инвариантность и синтаксические свойства вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985.
- Храковский 1989 – В.С. Храковский (ред.). Типология итеративных конструкций. JL, 1989.
- Храковский 2001 – В.С. Храковский. Семантика основных значений СВ и НСВ в русском языке // Studies on the syntax and semantics of Slavonic languages. Papers in honour of Andrzej Boguslawski on the occasion of his 70th Birthday. Oldenburg, 2001.
- Храковский 2011 – В.С. Храковский. Сколько контекстно-обусловленных повторительных значений у глаголов НСВ в русском языке? // Глагольный вид: грамматическое значение и контекст. III Конференция Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Тезисы. Padova, 2011.
- Цейтлин 2009 – С.Н. Цейтлин. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М., 2009.
- Шатуновский 2009 – И.Б. Шатуновский. Проблемы русского вида. М., 2009.
- Шелякин 1983 – М.А. Шелякин. Категория вида и способы действия русского глагола. Таллинн, 1983.
- Шелякин 2007 – М.А. Шелякин. Категория аспектуальности русского глагола. М., 2007.
- Galton 1964 – H. Galton. A new theory of the Slavic verbal aspect. Archivum linguisticum. V. 16, fasc. 2. 1964.
- Galton 1967 – H. Galton. The main functions of the Slavic verbal aspect. Skopje, 1967.
- Knjazev 2013 – Ju. Knjazev. Источники неограниченно-кратной интерпретации несовершенного вида в русском языке: лексическое значение, способ действия, синтаксис // Семантический спектр славянского вида. IV Конференция Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Гётеборгский университет, 10–14 июня 2013 г. Göteborg, 2013.
- Wierzbicka 1967 – A. Wierzbicka. On the semantics of the verbal aspect in Polish // To honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his seventieth birthday. The Hague; Paris, 1967.

Сведения об авторе:

Виктор Самуилович Храковский
ИЛИ РАН
khakovv@gmail.com

Статья поступила в редакцию 11.02.2014.